

Максимова Елена Николаевна

Зоя – значит ЖИЗНЬ

27 января – День воинской славы России. В этот день в 1944 г. состоялось полное снятие блокады Ленинграда. Она длилась 872 дня... Это – далёкая история. Но любая история времён блокады Ленинграда достойна особого внимания, и того, чтобы быть запечатлённой в памяти человека.

Погудина Зоя Степановна

Собирая материал о соликамских женщинах-фронтовичках, в городском архиве я ознакомилась с личным фондом Погудиной Зои Степановны – жительницы блокадного Ленинграда, участницы Великой Отечественной войны. С 1946 года её жизнь связана с СЦБК. Она возглавляла отдел производственно-технического обучения кадров, вела большую общественную работу. Зоя Степановна была внештатным корреспондентом газет «Бумажник» и «Соликамский рабочий», стояла у истоков создания городского и комбинатовского советов ветеранов войны и труда. С 1974 по 1996 годы занималась военно-патриотическим воспитанием молодежи.

Хочу ещё раз напомнить о блокадной истории двух девушек Зои Власовой (в замужестве Погудиной) и Клары Пыховой (в замужестве Шеманской).

Обе девушки в 1938 году были студентками Ленинградского целлюлозно-бумажного техникума, где и познакомились. 15 июня 1941 г. Зоя Власова окончила техникум и была распределена на Ленинградскую писчебумажную фабрику им. М. Горького мастером смены.

Блокаду Зоя Степановна вспоминала так:

«...Голод начался в августе, злобное его дыхание в сентябре и по-настоящему охватило Ленинград в октябре 1941 года. Голод – это страшное ощущение, от него испытываешь мучения не меньшие, чем от тяжёлого ранения. У меня началась дистрофия и голодная отёчность, постоянные боли в ногах, спине, голове, не говоря уже о желудке. Все мысли были только о еде, чтобы выжить, ели всё, что хоть чем-то напоминает пищу. Закрыв глаза, ощущаешь запах хлеба, ясно видишь перед собой все хлебные магазины, в которых когда-то покупал хлеб. Даже мысленно видишь на какой полке, где, в каком порядке лежал хлеб... Ели мы в блокадные дни всё, что напоминало пищу, даже штукатурку из стен, свою одежду, обувь... Враг дожидался, когда город выжрет сам себя. Сбрасывали листовки: «Съедите бобы – заказывайте гробы», «Чечевицу съедите – Ленинград отдадите». Пока могла, продолжала работать на фабрике, ходила на оборонительные работы, оказывала посильную помощь в эвакогоспитале, дежурила у телефона по линии МПО...»

В 1941 году Клава Пыхова сдала экзамен за второй курс Ленинградского целлюлозно-бумажного техникума, училась на механическом отделении. Знала станки, работала на них. Она принимала участие в изготовлении деталей для мин, а вечерами была на дежурствах, на которых выслеживали диверсантов, подававших световые сигналы фашистам, следили за телефонами.

«...Во время налёта вражеской авиации в техникум попала бомба, я в это время дежурила на телефоне, взрыв, засыпало штукатуркой, контузия. Работать не смогла, получила карточку неработающего – 125 граммов хлеба. Выкупила и съела хлеб, который был на завтра и послезавтра».

Продавец больше не даёт – не положено. Клава упорно стояла в магазине до обеда и плакала. Её пожалела продавец, взвесила очередной, со спичечный коробок, кусочек хлеба уже на три дня вперёд. Клава, как все в это время делали, пошла на рынок, чтобы обменять кусочек хлеба на такой же кусочек

жмыха. Когда его развариваешь, он, набухая, превращается в кашу, из которой можно было напечь небольшие оладушки.

Из воспоминаний Зои Степановны:

«В один из дней декабря 1941 года я услышала стук в дверь и слабый голос: «Это я, Клава Пыхова, открой». В закутанной в шаль старухе, с опухшими руками, ногами и лицом я с трудом узнала Клаву, недавно ещё цветущую и красивую. От голода погибли её родственники, знакомые и друзья. Клава вспомнила, что меня оставили среди лучших студентов работать в Ленинграде и пришла ко мне, в её глазах светилась надежда на помощь...»

Зоя подкармливала Клаву из своих скудных запасов (горох и чечевица), совсем уж та была слаба.

«...Получив контузию при очередном артобстреле, я не могла уже больше работать на заводе, была переброшена в эвакуогоспиталь по оказанию помощи раненым бойцам».

24 февраля 1942 года (на 247 день блокады) девушки были эвакуированы через Ладогу на Большую землю. Подлечившись, были мобилизованы в действующую армию. После учёбы в запасном полку связи, их расформировали по воинским частям, так они расстались. Под Сталинградом Клава была тяжело ранена и уволена в запас, а Зоя прошла дорогами войны до Берлина.

Погудина Зоя Степановна

Шеманская Клавдия Дмитриевна

Разошлись их дороги, но память сердца не давала Клаве забыть человека, спасшего ей жизнь. В 1946 году Клава нашла Зою, началась переписка, в которой они делились новостями, радовались успехам. В своих письмах к Зое Степановне Клавдия Дмитриевна часто вспоминала блокадные дни, и в каждом из них выражала благодарность человеку, спасшему жизнь.

«Помню, как я пришла к тебе в страшный декабрь 41-го – голодная, опухшая, на грани смерти. Как ты встретила меня и помогла выжить. Дай Бог тебе здоровья!».

«Дорогая моя Зоя, поздравляю тебя с Великим праздником – Днём Победы! Здоровья тебе и долгих лет жизни за страдания наши в голодном Ленинграде».

1984 г. Детский клуб «Кристалл», г. Соликамск. На этой встрече К. Д. и А. Я. Шеманские, З.С. Погудина рассказали учащимся о блокадном Ленинграде

В 1984 году приехали супруги Шеманские в Соликамск, чтобы повидаться и поблагодарить Зою Степановну за спасённую жизнь.

Имя Зоя в переводе с греческого означает «жизнь». Для меня эта история – рассказ о сострадании, доброте и стойкости в голодные и холодные дни блокады.